

18+

Алина Ёж

Ты нужен нам обоим

Алина Ёж

Ты нужен нам обеим

«Издательские решения»

Ёж А.

Ты нужен нам обеим / А. Ёж — «Издательские решения»,

Эти две женщины еще не знакомы и даже не ожидают, в какой переплёт они обе попадут. Что их свяжет? Любовь. Тайна. И один человек, который нужен им обеим. Книга содержит нецензурную брань.

© Ёж А.

© Издательские решения

Содержание

Оглавление	6
Ксюша	9
Таня	11
4.Ксюша	12
5.Таня	13
6. Ксюша	14
Три месяца назад...	15
7.Таня	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ты нужен нам обеим

Алина Ёж

© Алина Ёж, 2026

ISBN 978-5-0070-7970-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Таня

Улица Лесная всегда казалась мне островком спокойствия в этом маленьком, но уж очень шумном городе. Небольшая горстка частных домиков, уютно расположившаяся около соснового леса, испещренного тропинками, по которым то и дело сновали туда-сюда мамы с колясками и бабушки с палками для финской ходьбы. Этот клочок частного сектора со временем оказался в самом центре. Один поворот с главной улицы, пролегающей через весь город, и ты погружаешься в тишину, которую нарушает только шелест опавшей листвы.

В сумерках жёлтые коттеджи, стоявшие в шеренгу, казались вымершими. Пенсионеры ложились спать рано, а молодежь, которой здесь было пару человек, после рабочего дня собиралась в баре «Пинта», что прямо перед поворотом на улицу. Ночью же, молодежь снова оживляла улицу душевными беседами и страстными признаниями, кои частенько происходят по пятницам и выходным после выпивки.

Дети и подростки здесь отчего-то перевелись. Видимо, я первая, кто привез сюда своих малышей за последние десять лет. Что ж, должна радоваться, что их, вообще, есть куда привести в моей ситуации.

Дом достался мне от родителей. Муж постоянно намекал мне на то, что я должна его продать, но рука не поднималась. И не зря. Выглядело это внушительное строение все еще прилично. Желтая краска на фасаде немного облупилась, забор кое-где придется подкрасить, а окна вымыть. В целом, за пару дней я смогу справиться с этим.

Останавливаю машину на подъездной дорожке и с силой сжимаю ключ в кармане куртки.

Приехали. Сын выпрыгивает из машины и с радостным визгом бежит к калитке. Я же медленно плетусь с автолюлькой на руках. Моей младшей всего десять дней и, признаться честно, мне до сих пор тяжело передвигаться.

— Мам, открывай скорее, — канючит сын.

Я его прекрасно понимаю. Мой трехлетний малыш сбит с толку. Он так долго ждал сестричку, мечтал приехать с папой в роддом, чтобы там ему дали посмотреть на сопящий носик в розовом конверте и позволили вручить маме большой букет. Однако, вместо семейного праздника, мама сама приехала из больницы вместе с малышкой, собрала вещи в чемодан, разрешила ему взять с собой все любимые игрушки, а потом шесть часов везла его на машине неизвестно куда. Женька ни разу не был в этом доме, и я замечаю, что он очень насторожен.

— А когда приедет папа? — бедный мой малыш, как мне объяснить тебе вещи, которые мне самой до конца трудно осознать.

Ставлю люльку на порог и обнимаю сына.

— Папа обязательно приедет, Жень. Но немного позже. Сначала нам нужно здесь обжиться.

— Но я хочу папу! — малыш вот-вот готов расплакаться, да и я тоже. Желание расплакаться преследует постоянно, но я не могу себе позволить этого сейчас. Мои дети не должны видеть меня такой. Ведь если рухну я, кто тогда им поможет?

Привычный поворот ключа, знакомый скрип петель. Мы дома. По-настоящему дома. Квартира, в которой мы жили до недавнего времени, за пять лет так и не стала мне родной. Зажигаю свет и словно переносусь на пару лет назад. Кажется, что через мгновение из кухни появится мама, а со второго этажа спустится отец, обнимет меня и спросит: «Ну, птичка, как твои дела?»

Я бы упала в его объятия и разревелась, а потом рассказала бы им все до последней мелочи, и они с мамой точно подсказали, как мне быть.

Родителей нет уже год. Гололед. Автокатастрофа. Я не оправилась, а теперь еще и это...

Судорожно вздыхаю и беру себя в руки, приказывая слезам отступить хотя бы на пару часов. Мне нужно уложить сына и накормить дочь. Господи, дай мне сил!

Женька, умаявшись за день, засыпает практически мгновенно. Смотрю на его рыжие кудри и улыбаюсь. А рядом, жадно причмокивает у груди его копия в девичьем обличье. Мой второй ребенок оказался точной копией первого, а старший как две капли воды похож на меня, и я рада, что в моих детях нет ни следа от мужа.

Длинная дорога сделала своё дело: дети будут спать долго. На секунду останавливаюсь в дверном проёме и любуюсь ими. Оба свернулись калачиком лицом друг к другу. Рыжие мои детки, как же вашей маме рассказать вам все, что произошло за эти две недели и не уничтожить в вас веру в добро?

Предательские слёзы снова собираются в уголках глаз. Выдыхаю. Не время плакать. Не сейчас. У меня есть несколько часов на то, чтобы разобрать вещи и привести себя в более-менее приемлемый вид.

Ремонт в доме свежий. Незадолго до трагедии родители решили освежить дом. Внутри закончить успели, а вот фасад... Фасадом придется заняться мне. Впервые за двое суток включаю телефон. Сорок пропущенных. Зачем? Что он еще хочет мне сказать? Чем можно оправдать такое? Нет, я искренне считала, что подобные вещи могут твориться только в фильмах, но теперь моя жизнь стала фильмом. Психологической драмой. На Оскар, наверное, мы не претендуем, но затмить картину на втором канале способны вполне.

Телефон громко рычит. Мне бы выкинуть его в окно, чтобы не видеть это имя на экране. Но, раз уж сама его включила, придется ответить. Беру трубку, но говорить ничего не собираюсь. У меня кончились слова для этого человека.

— Таня, я понимаю, тебе тяжело. Ты не хочешь меня видеть, я ужасен, я противен сам себе, но дай мне хотя бы приехать и помочь тебе с малышкой. Это же и моя дочь, в конце концов.

О, наконец-то вспомнил, что он отец! Это что-то новое. За все девять месяцев факт того, что он скоро станет папой во второй раз, не мешал ему делать то, что он делал.

— Таня, мы же семья. Мы должны сплотиться перед тяжелыми временами.

Я срываюсь на хохот. Вот уж, действительно, смех сквозь слезы... и промолчать не могу. После таких заявлений.

— Семья, говоришь? Семья — это я, Женька и Маша. Вот, что такое семья. И, поверь мне, мы уже сплотились перед тяжелыми временами. Почти год как сплотились, потому что наши тяжелые времена — это ты! Теперь ты, надеюсь, исчезнешь? — если бы я могла плюнуть ему в лицо ядом, я бы давно это сделала.

— Зайка...

— Заткнись! Заткнись! Как у тебя язык поворачивается назвать нас своей семьей? Ты не муж, ты похотливая скотина! Ты не отец своим детям, ты их предал! А дочь свою ты предал еще до ее рождения! Предал!

— Таня!

— Что Таня? Лучше бы ты умер! Разогнался до ста двадцати, как ты это любишь делать, и в дерево. Хотя причем тут бедное дерево? Найди способ самоубиться, ладно? Может быть, тогда я смогу достойно объяснить твоему сыну, что папа с нами больше жить не будет.

— Но я ведь хотел...

— Хотел? О, да! Ты, безусловно, хотел. Так хотел, что теперь последствия твоих «хотелок» разгребать твоим детям и жене.

— Прости...

— Прости? Как просто! Ведешь себя как мразь с беременной женой, хлопаешь дверью, когда я с пузом дальше носа прошу тебя помочь, уходишь неизвестно куда, потом откупаешься

сюрпризами и подарками... Делаешь на стороне ребенка, а теперь «прости»? Нет тебе прощения! Нет и никогда не будет.

— Мне было тяжело! Мне и сейчас нелегко, Тань...

— Какая же ты скотина! Тебе нелегко, мой дорогой? Ты же теперь многодетный отец! Предлагаю облегчить твою участь. Забудь про двух своих детей, как забывал, когда лез на эту овцу. Иди жить к ней! Там только один ребенок. С одним гораздо легче, правда?

Больше разговаривать с этим человеком я не в состоянии. В бешенстве отключаю телефон. Если бы не дети, выкинула бы его еще на въезде в город. На часах два ночи. Нахожу в шкафчиках старые пакетики чая. Пока закипает чайник, выхожу в сад и вдыхаю знакомые с детства запахи. Дом. Какое счастье иметь место, куда можно вернуться. Окидываю усталым взглядом деревья и замечаю у забора странное шевеление.

Замираю и долго смотрю немигающим взглядом. Оцениваю ситуацию. Ночь обещает быть томной. Ко мне в сад пробралась и завалилась спать пьяная мадам. На втором этаже двое маленьких детей, одному из них и двух недель нет. Я ушла от мужа. В доме нет еды, кроваток и...и фасад облупился. Хотя какой, к черту фасад...

Казалось бы, проблем и так немало, зачем мне еще одна, да к тому же пьяная? Проспится и уйдет. Но, во мне играют обостренные инстинкты. Вздыхаю и плетусь к девушке.

Я уже говорила себе, что ночь обещает быть томной?

Ксюша

Говорят, если на утро после пьянки ничего не помнишь, то пьянка удалась на славу. Что ж, если верить людям, то вчера я знатно отдохнула, потому что не помню я решительно ничего. Последнее, что успела запечатлеть моя память: мы с Марком заказали еще пару бокалов виски. Дальнейшие события покрыты пьяным угаром.

Ах, да! Марк. А куда он, кстати, делся? К благоверной умчался? Очень мило! Сначала соврать ей про командировку, а потом примчаться домой раньше, чем обычно возвращаешься с работы.

Марк — мой непосредственный начальник и весьма посредственный любовник, поэтому все встречи с ним у меня проходят исключительно через бар. На трезвую голову я такое вынести не готова. Я, кстати, многое не готова выносить на трезвую голову. Видимо, поэтому моя голова часто пьяная. А если бы и на работу можно было примчаться бухой, то не просыхала бы совсем. Такая уж у меня, наверное, судьба.

Пытаюсь найти рукой телефон, бесполезно шаря трясущимися пальцами по кровати. Ничего! И куда он, скажите мне, запропастился? Ладно, так уж и быть, придется разлепить глаза.

Зашибись! Куда меня нелегкая занесла на этот раз? И где я? Ага, через окно вижу свой дом. Я перепутала дом? Перебор! Стоп. Этот дом нежилой, насколько я помню. Хозяева его год назад погибли в автокатастрофе, в чем мой знакомый следователь сильно сомневался, а других жильцов в нем не было. Эту пожилую пару я знала совсем плохо, но люди были спокойные и тихие. Чего не скажешь об их непосредственных соседях: вот где бушевали аргентинские страсти. Через день тарелки летали, дверь хлопала так, что окна ходили ходуном, а уж какими выражениями Вера награждала своего *(с чего бы это?)* четвертого мужа.

Хм... и все-таки, как я тут оказалась?

— Привет.

О... Господи! Ну, здравствуй, белая горячка! Услужливое воображение подсовывает мне маленького рыжего мальчика, который переминается с ноги на ногу на пороге комнаты. Надо же! Кудрявый рыжий карапуз. Обычно, ничего хорошего от белой горячки люди не ждут. Что выкинет этот малыш? Попытается меня укусить? Будет склонять к суициду?

Приподнимаюсь на локтях. Какая натуралистичная галлюцинация.

— Малыш, — хрипло, но ласково, обращаюсь я к нему, — что ты тут делаешь? Где твоя мама?

Карапуз, склонив голову на бок, внимательно меня рассматривает, пожимает плечами и делает неуверенный шаг вперед.

— Я тут гуляю. А мама внизу плачет. Помогите моей маме, тетя.

Всё, если выйду из этого дома психически здоровой, пить брошу точно. Нет, так реально все фильмы ужасов начинаются. Сейчас я спущусь «помогать» маме, а меня в подвал утащит ведьма и сожрёт. Снизу доносится плач ребёнка, и я чувствую мурашки, которые стадом носятся по моей спине.

— Мальчик, я жить хочу. Не убивайте меня, а? Я честно больше пить не буду, и с дядями женатыми спать перестану. Честно-честно. Отпусти меня, маленький.

От страха перехожу на шёпот. Руки предательски дрожат. Медленно встаю с кровати и обхожу её так, чтобы мальчик все время был на виду. Бежать. Эта мысль красным светом пульсирует в моей больной голове. Вот сейчас. Мальчик зайдет в комнату, а я постараюсь прорваться мимо него. Нужно только успокоиться и не суетиться.

Карапуз как будто читает мои мысли. Не сводя с меня задумчивого взгляда, он неспеша, по-хозяйски ковыляет в комнату.

И тут я слышу скрип ступеней. Всё. Баста! Истерически повизгивая, бегу из этой проклятой комнаты и через пару шагов врезаюсь во что-то живое. И ору, что есть сил...

Таня

От смеха уже резало живот. Никогда не думала, что мой сыночек может до заикания напугать взрослую тётку. Зубы моей ночной гостьи только пять минут назад перестали выбивать дробь о стакан. Я же хохотала как безумная, до слез и икоты. Как будто все переживания последних недель нашли выход из моей души. Не через рыдания, так через смех. Женька был совершенно сбит с толку. Малыш не ожидал, что взрослые могут так себя вести.

— Нет, я знала, что спьяну и не такое может привидеться. Теперь точно седина появится, — Ксюшу мелко потряхивало до сих пор.

О том, как я затаскивала домой её бездыханное тело, я предпочла умолчать. Не хотелось смущать девушку еще больше.

— Зато это отличная причина завязать с этим совсем.

— Тань, тебе можно делать на этом неплохой бизнес. Бабы начнут своих алкашей пачками к тебе на сеансы приводить. Испуг, скажу тебе, первейшее средство от запоя. Если клиент от сердечного приступа на месте не скончается, к бутылке больше на пушечный выстрел не подойдет.

— Возьму на заметку. Надо же мне как-то теперь зарабатывать, — опомнившись, я резко замолкаю. Не хочу, чтобы Ксюша думала, что я нуждаюсь в том, чтобы меня жалели.

— Что-то случилось, да? — спрашивает она, и я опускаю глаза в пол.

— Да, но я не хотела бы...

— Понимаю, не вопрос. Душу ковырять не буду. Ты извини меня за ночное вторжение. Я, конечно, частенько синяя бываю, но вчера что-то совсем перебрала. Видимо, и правда, пора заканчивать с этим.

Смотрю на девушку напротив меня еще раз. А ведь ей нет и двадцати пяти. Болезненная худоба компенсируется гривой каштановых волос и огромными голубыми глазами. На бледном лице по-детски рассыпаны веснушки. Вчера она казалась мне совсем другой. Потекшая тушь на щеках, темные тени и помада. Честно говоря, сначала я решила, что это пьяная проститутка после очередного клиента. Сейчас же, при свете дня, я видела перед собой беззащитную девушку, которая всеми силами пытается забыться и закрыться неведомо от чего. Тем не менее, влезать к ней с расспросами я не собираюсь. Тут хоть бы со своими проблемами разобраться. Размышления прерывает телефонный звонок. На экране появляется фото мужа, и я не успеваю отклонить звонок. Женька уже увидел, что звонит папа и радостно нажимает на зеленый кружок.

4. Ксюша

— Папа! Привет! Ты когда приедешь? — радостно верещит малыш в трубку.

Таня делает глубокий вдох и скрещивает руки на груди. На кухне повисло оцепенение, и только её сынишка продолжает лепетать в трубку:

— Папа, ты срочно должен приехать. Маша — красавица. Ты представляешь, она меня схватила за палец и долго не отпускала. Да! А еще я тут тетю напугал, и она просила её не убивать. А еще мама плакала.

Таня резко вскакивает и забирает у мальчика телефон. Тот мгновенно начинает хныкать.

— Филипп, — начинает она, а меня передергивает от холода и ненависти в голосе, — я, кажется, вчера все подробно объяснила. Нет, ты здесь совершенно не нужен...

Малыш, услышав такое, начинает громко протестовать. Должна же я как-то помочь этой женщине. Беру малыша на руки и отношу в гостиную.

— Жень, а у тебя есть игрушки? — отвлекая я малыша, и он, шмыгая маленьким носом, бежит показывать мне свои сокровища.

Да, видимо, сильно он её обидел, раз она дочку ему не показала даже. Вот так просто собрала вещи и уехала. Пропала.

Лёша. В голове вспыхивают кадры. Теперь уже я опускаю глаза. До сих не могу его забыть. Три месяца прошло, а душа так и тянется к мужчине, с которым была всего неделю. Неделя. А потом он пропал. Просто исчез из города и всё. Очень наивно, конечно, строить планы на будущее с мужчиной, появившимся в баре возле дома. В ту ночь мы пьяные завалились ко мне и целую неделю не выходили оттуда. Нет, это не было простым порывом страсти. Впервые за много времени мне было хорошо просто от того, что я разговариваю с человеком, смотрю с ним кино; с ним даже молчать было о чём.

Потом он пропал. Вышел за сигаретами и исчез. Сначала я как дурочка верила и думала, что у него, как он мне и говорил, серьезные проблемы. Первые два дня я как собака, потерявшая хозяев, выла и металась по дому, а потом до меня дошло, что он просто решил развлечься и сохранить недельный эпизод в копилку «мужских» достижений. Осознание этого было как удар под дых. Помню, что стояла голая и пьяная перед зеркалом и обзывала себя самыми последними словами. Собственно, после этого я и начала бестолково листать день за днем. Как говорится, прошел, и слава Богу!

Нет, это не был первый мужчина в моей жизни. И до него их было достаточно. Я ни перед чем не останавливалась, если меня тянуло к мужику. Меня никогда не смущало наличие жен и детей. Эти факты биографии очередного любовника я выкидывала как ненужный мусор. А здесь вот обожглась.

5.Таня

— Нет, ты здесь совершенно не нужен.

— Но мы не начнем сотрудничать с «Кристаллом», если в договоре не будет твоей подписи.

— Ах, вот что тебя интересует. Подпись, значит. Мог бы не трудиться и не играть заботливого отца, раз уж на то пошло! — как тяжело не сорваться на крик.

— Таня, прошу тебя, давай не будем переносить личное на наш бизнес.

— Наш? Мой хороший, ты ничего не забыл? В документах ген. директор по-прежнему я!

Вообще, владеть компанией официально я стала совсем недавно, буквально пару месяцев назад. Как только вступила в права наследства. Но в семейное дело я была посвящена еще много лет назад, чуть ли не на следующий день после выхода из университета. Филипп же, хоть и пытался постоянно изображать вид бурной деятельности, моему отцу чем-то не угодил, и по документам значился простым системным администратором. Очень долго я корила себя за то, что так и не смогла наладить теплые отношения между папой и мужем. А вот сейчас задумываюсь, что отец видел чуть больше, чем я. Несколько месяцев после гибели родителей я была не в состоянии вести дела — даже в офис заходить боялась, а потом узнала, что жду Машу. Филипп не стал терять время зря и взял бразды правления в свои руки, правда, все контракты по-прежнему подписывала я. Девять месяцев мой муж изо дня в день настаивал на своём назначении директором и, чёрт возьми, я была готова дать ему то, что он хочет, но потом произошло это...

— Таня, мы должны сохранить нашу семью. Дело не должно страдать из-за того, что у нас какие-то там семейные недомолвки.

— Что ты сказал? Недомолвки? Это так теперь называется ребёнок на стороне? Знаешь, что, поднимай свою задницу и выметайся к чёрту из офиса. С этого дня ты больше там не работаешь!

— Таня, так нельзя. Ты не можешь так просто взять и...

— Мне плевать. Я сегодня же позвоню Натанскому. Я повторяю еще раз, ПОШЕЛ ВОН!!! ВОН!!! ВОН!!! — я все-таки срываюсь на крик. Хочется вцепиться в волосы, забиться в дальний угол и взвыть. Бросаю трубку и выключаю телефон.

В дверном проёме осторожно появляется Ксюша с Женькой на руках.

— Не бойся малыш, мама просто выгоняла мух с кухни, — обращается она к нему. Малыш вот-вот готов расплакаться.

— Сынок, мама мух гоняет. Правда-правда, — показательно беру в руки первую попавшуюся бумагу и начинаю ей размахивать, — попробуй сам.

Протягиваю сыну «хлопушку» и выхватываю фразу глазами:

«Викулов Алексей Дмитриевич был похоронен...»

— Сыночек, погоди. Давай мама даст тебе другую хлопушку, — словно на автомате достаю из ящика мухобойку и отдаю малышу, который с энтузиазмом начинает войну с насекомыми.

Сама же разворачиваю ксерокопию и через пару секунд покрываюсь красными пятнами.

6. Ксюша

Таня замирает с какой-то бумагой в руках, а потом и вовсе оседает на пол.

— Я даже не буду спрашивать всё ли у тебя хорошо. Что это? — Таня молча протягивает мне документ и тихо вытирает бегущие из глаз слёзы, а я углубляюсь в текст.

Казалось бы, лист бумаги, сложенный пополам не несет вашему душевному равновесию угрозы. Правда, до тех пор, пока он не будет вами прочитан. Тот документ, что я сейчас держу в руках, заставляет меня покрыться холодным и липким потом. Надо же. Свидетельство о смерти некоего Викулова Алексея Дмитриевича. Смерти от неуточненного состояния, возникшего в перинатальном периоде. Только вот, сдается мне, что младенец жив. Лет так тридцать жив. Лёшка...

— Тань, ты чай будешь? — Таня смотрит на меня непонимающе.

— Издеваешься? Тут без бутылки не разберешься.

— Кормящим не положено. Так что? Чай?

— Ну, чай так чай!

— Ты знаешь, мне нужно кое-что тебе рассказать...

Три месяца назад...

Вечер пятницы многообещающим, увы, не был. Подруги разъехались, у Марка намечался семейный ужин, а я... А я решила сходить в бар одна. Говорят, что пить в одиночестве — первый шаг к алкоголизму. Однако, когда у тебя три недели не было выходных, не расслабиться после большой нервотрёпки — первый шаг в направлении сумасшедшего дома.

В «Пинте» сегодня было не протолкнуться. Мало того, что конец недели, так еще и футбольный матч. Естественно, места за столиком мне не нашлось, поэтому пришлось оккупировать барную стойку.

— Ксюха, какие люди! Давненько тебя не видел, — а вот с барменом мне сегодня подфартило. С Костиком мы знакомы со школьной скамьи.

— И тебе привет! Буду пить всё, что горит. Три недели нас шерстила налоговая и прокуратура. Мозг скоро проплавит черепную коробку.

— Понял! Сейчас намешаю. А ты чего сегодня без любовника? — Костя, конечно, знал о моих «грехах».

— У него семейный ужин. Жене раз в месяц надо смахнуть паутину, а то еще заподозрит чего, — язвительно улыбнулась я.

— Не надоело тебе его с ней делить?

— Костя, не начинай, а? Я не делю, я практикую совместное пользование. Он мне нужен так же, как тебе все официантки этого заведения.

— Для здоровья?

— Именно. Для здоровья, для больших премий. Совмещаю приятное с полезным.

— Тебе уже говорили, что ты редкостная сука?

— А как же, дорогой, — улыбаюсь ему своей самой обворожительной улыбкой, — ты никогда не даёшь мне об этом забыть.

— Ваш коктейль, мадам, — Костик протягивает мне свой фирменный продукт и переключается на мужчину, занявшего соседний стул.

— Кофе с коньяком, — делает заказ незнакомец, а я удивленно оборачиваюсь к нему.

— Интересный выбор для вечера пятницы, — я редко начинаю разговор первой, но мужчина с кофе гораздо приятнее пьяных футбольных фанатов. А он очень даже ничего, хоть и типаж не мой. Зеленые глаза, высокие скулы, пухлые губы, на голове рыжий ёжик и такого же медного цвета щетина.

— Работа обязывает, — вздыхает незнакомец, — вы тоже тут странно смотрите. Одна, да еще и в разгар футбольного сезона.

— Мадам снимает стресс после общения с прокуратурой, — тут же встречается в разговор Костик.

— Зайка, — приторно ласково обращаюсь к бармену, — тебе когда-нибудь поставят на лице осветительный прибор. А всё за твой длинный язык.

— Всё-всё! Замолкаю, — Костик примирительно поднимает руки.

— Это интересно! Такая девушка и с прокуратурой.

— Работа обязывает, — пожимаю плечами и возвращаю рыжему незнакомцу его же подачу. Удивительно, но он смеётся.

— Даже не могу предположить, за что вам выпало счастье общения с ними.

— Вот уж, действительно, счастье. Всё очень просто. Я единственный юрист в нашей захудалой конторе, поэтому всё самое «вкусное» всегда достаётся мне. А чем ты занимаешься? — приёмчик, конечно, старый, но для плавного перехода на «ты» — всегда безотказно работающий.

— У меня все скучно. Пишу программы, продаю их. Ничего интересного, всю жизнь за компьютером. Меня, кстати, Алексей зовут, а тебя?

Выныриваю в реальность. Передо мной, опершись руками на столешницу стоит белая как полотно Таня.

— То есть ты хочешь сказать, что встретила мужика по имени Лёша в баре, куролесила с ним неделю у себя в доме, а потом он просто исчез из твоей жизни?

— Да, но это не главное. Таня, я уверена, что это тот самый Викулов Алексей, который...
— киваю на свидетельство, лежащее на столе.

— Бред какой-то! Бред! — Таня закрывает лицо руками, — почему именно сейчас, Господи? Неужели ты не мог найти другой момент, чтобы вывалить на меня это все?

В коляске кряхтит малышка, и мы перемещаемся в гостиную, чтобы Таня могла её покормить.

— Давай еще раз, — пытаюсь разложить всё по полочкам, — мы с ним познакомились три месяца назад. Он просто сел рядом в баре, и мы разговорились. Я, вообще, не думала, что всё так далеко зайдет. Просто захотелось секса с красивым мужиком. Там такая задница, Тань! — тут я осекаюсь, — прости. Он хотел купить на нашей улице дом. Твой дом, понимаешь? Всё смотрел на него из окна и расспрашивал про хозяев. Я и сказала, что они погибли и у них только дочка осталась.

— Всё равно ничего не понимаю. Почему он тогда не нашёл меня? Какой брат, черт возьми.

У Тани снова звонит телефон.

7.Таня

Звонил мне, слава Богу, не муж, (я уже успела пожалеть, что снова включила телефон), а Натанский — старый друг моего отца и совладелец нашей фирмы. Вот уж, действительно, вовремя. Если кто и сможет мне помочь с этими странными событиями, так это дядя Яша. С папой они дружили, сколько я себя помню.

— Дядя Яша, как я рада, что вы мне позвонили.

— Танюшка! Девочка моя! Ну, с доченькой вас! Как ты? Как назвали малышку? На кого похожа? Когда уже можно будет познакомиться с внучкой? — после смерти папы Натанский взял на себя обязанности деда. Женька его только дедушкой и называл. Конечно же, он ждал мою малышку как родную внучку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.